

О. А. Крапивкина

Иркутский государственный технический университет

Две грани дискурса – две ипостаси субъекта

Объектом анализа являются два центральных жанра судебного дискурса – жалоба как дискурс, инициирующий процесс судебного разбирательства, и судебное решение, подводнящее его итоги. Автор статьи утверждает, что юридический дискурс представляет собой сложное многомерное образование, в котором сплетаются институциональные и персонализированные формы коммуникации. Исследование опирается на понятие дискурсивного экспертного сообщества, участие/неучастие в котором накладывает отпечаток на характер дискурсивных практик. Подвергается сомнению сложившаяся точка зрения на юридический дискурс как чисто институциональное образование. Утверждается, что участие/неучастие в юридическом дискурсивном сообществе оказывает влияние на особенности интерпретации субъектами одних и тех же правовых явлений, что объясняется различием в типах мышления, типах картин мира – обыденной и профессиональной.

Ключевые слова: субъект, дискурс, дискурсивное экспертное сообщество, жанр.

Юридический дискурс представляет собой сложное многомерное образование, которое можно определить как институциональный вид коммуникации, динамично протекающий в определенном культурном и ситуативном контекстах. Его образуют тексты различных жанров. Исходя из типичного для социального знания разделения мира на публичную и приватную сферы, мы предлагаем рассматривать юридический дискурс в двух основополагающих ипостасях: публичной, которая включает законодательную и судебную разновидности, и приватной. Таким образом, на одном полюсе юридического дискурса представлена правовая коммуникация в сфере публичных отношений (законодательная и судебная деятельность) с участием государства и его органов, а на другом – в сфере частных отношений с участием отдельных индивидов.

Логично было бы предположить, что все жанры юридического дискурса, функционирующие в публичной сфере, являются институциональными образованиями со всеми вытекающими отсюда свойствами, которые были предметом многочисленных исследований (В. И. Карасик, Е. И. Шейгал, А. Н. Баранов, Л. С. Бейлисон, И. В. Алещанова). Однако в рамках публичного юридического дискурса имеют место жанры, которые, будучи институциональными по дискурсивному

Крапивкина Ольга Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков для технических специальностей Иркутского государственного технического университета (ул. Лермонтова, 83, Иркутск, 664074, Россия; koa1504@mail.ru)

параметру поля (в концепции М. А. К. Халлидея), с учетом субъектного состава являются персональными формами общения.

Непосредственным объектом анализа настоящей статьи являются два центральных жанра судебного дискурса – жалоба как дискурс, инициирующий процесс судебного разбирательства, и судебное решение, подводящее его итоги. Оба жанры включены в единый правовой контекст интерпретации, функционируют в едином правовом дискурсивном поле. Однако их субъектный состав не совпадает. В жалобе субъект выступает как индивид, физическое лицо со своими личными интересами, эмоциями и переживаниями. Субъект дискурса судебного решения – представитель судейского корпуса, входящего в состав юридического сообщества. Тем самым субъекты центральных жанров судебного дискурса, выступая в двух различных ипостасях – «я» персональное и «я» институциональное, – представляют собой разные языковые личности, реализующие различные коммуникативные цели [Крапивкина, 2011, с. 74].

Таким образом, прослеживается непосредственная связь между включенностью субъекта в то или иное дискурсивное сообщество и характером и свойствами порождаемого им дискурса. Ярким примером такой включенности субъекта служит процесс составления судебного решения. Автор судебного решения, выступая в институциональной ипостаси, усваивает нормы, стереотипы, своеобразный «кодекс чести», присущий членам дискурсивного сообщества, причастность к которому он манифестирует, реферируя к себе исключительно с помощью коллективного имени. Приведем примеры:

(1) *The court thus concludes from these evidences...* (Lingens v. Austria, 1986)¹.

(2) *The court concludes that he served the purposes and philosophy of the ruling caste of Japan as a propaganda agent...* (United States v. Minoru Yasui, 1942)².

(3) *Вместе с тем Конституционный Суд Российской Федерации сослался на правовую позицию, выраженную в Постановлении от 2 июля 1998 года N 20-П...* (Определение Конституционного суда РФ от 12.10.2005)³.

Коллективные имена *the court*, *Конституционный суд* маркируют институциональную ипостась субъекта. Субъект демонстрирует, что высказывания не находятся в его власти, а его интенции, как бы сильны они не были, не определяют конечный смысл дискурса. Он подчинен конвенциям дискурсивного сообщества, которым должен следовать неотступно.

Следует отметить, что термин «дискурсивное сообщество» получил широкую популярность благодаря работе Дж. Суэйлза, который связывает жанр с дискурсивной практикой, принятой в обществе и зависящей от заранее оговоренных и установленных целей и социальных механизмов, его регулирующих. Эти механизмы определяют коммуникативные цели жанра, которые в свою очередь обуславливают его структуру, стиль и содержание [Swales, 1990]. Трактовка жанра через понятие дискурсивного сообщества присутствует и в работах В. К. Бхатии, который полагает, что жанр – это «опознаваемое коммуникативное событие, которое может быть охарактеризовано с помощью набора коммуникативных целей, идентифицируемых и разделяемых членами профессионального или научного сообщества, где это событие время от времени воспроизводится» [Bhatia, 1993, p. 3].

Таким образом, членов дискурсивного сообщества объединяет общность коммуникативных целей, терминологии, общий уровень компетентности в опреде-

¹ www.oas.org/.../CASE_OF_LINGENS_v_AUS

² <http://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/48/40/2391641/>

³ http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28471/

ленной сфере деятельности, знание особенностей жанровой организации информации и механизмов ее обмена, а также особый институционализированный тип мышления.

Понятие дискурсивного сообщества получило развитие в работе А. М. Каплуненко, который ввел новый термин («дискурс экспертного сообщества») для обозначения объединения «носителей специального знания», порождающих дискурс, в котором «образуется, развивается и модифицируется термин» [Каплуненко, 2007, с. 119].

Исходя из вышеизложенного, предлагаем рассматривать субъекта судебного дискурса в двух ипостасях – субъект-юрист и субъект-неюрист.

Юрист – одно из «лиц» человека, одна из имеющихся у него ролей. Это человек, надевший «маску», изменивший язык-стиль общения [Кузнецова, 2007, с. 166]. В коммуникативном поведении субъекта-юриста отражается специфика его профессионального общения. Его отличает наличие специальных правовых знаний, знание профессионального языка, который в тексте отражает ценностные ориентации, идеи и взгляды, присущие юристам, типичные для их социальной роли и статуса.

В отличие от продуктов дискурсивной деятельности субъекта-юриста, тексты субъекта-неюриста отражают представления, знания и стереотипы, основывающиеся на его повседневном опыте и доминирующие в той социальной общности, которой он принадлежит.

Вступив в дискурсивное сообщество и надев маску эксперта, субъект не только берет на вооружение отличный от обыденного язык, но и погружается в совершенно иное русло понимания и интерпретации элементов правового поля. Владая специальной терминологией, он погружается в нее и создает специфическое поле интерпретации, отличающееся от того, в котором пребывает простой носитель языка. Приведем примеры из русскоязычного и англоязычного юридических дискурсов:

(4) *This Court first gave detailed consideration to the legal status of homosexuals in Bowers v. Hardwick, 478 U. S. 186 (1986). There it upheld the constitutionality of a Georgia law deemed to criminalize certain homosexual acts (Obergefell v. Hodges, 2014)*⁴.

(5) *Преступление признается оконченным, если в совершенном лицом деянии содержатся все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом (Уголовный кодекс РФ)*⁵.

Здесь субъект позиционирует себя как эксперт, владеющий специальным знанием. Термины, используемые им (*legal status, constitutionality, criminalize, состав преступления*), требуют этого знания для их правильной интерпретации. Лицо, находящееся за пределами дискурсивного сообщества, не имея общего с субъектом-юристом контекста интерпретации, не может правильно раскрыть их содержания.

Приведем еще один пример:

(6) *...жалоба, по смыслу пункта 2 статьи 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», не является допустимой (Определение Конституционного суда от 02.10.2003)*⁶.

⁴ http://www.supremecourt.gov/opinions/14pdf/14-556_3204.pdf

⁵ https://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_10699/

⁶ www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45267/

Понятия «допустимый», «допустимость», широко употребляемые в обыденной речи, в дискурсе суда наполняются новым смыслом и означают соответствие требованиям закона.

Стоит отметить, что приверженность сложившимся моделям и стандарту написания юридических текстов и нежелание обращаться к новым упрощенным формам выражения создает особый лингвистический консерватизм дискурса юридического сообщества, который находит свое проявление не только на лексическом уровне, но и в специфическом использовании синтаксических конструкций:

(7) Whereas the applicant, in specifying the object of his application, as required by Rule 34 para. 1 (a) of Rules of Court B, stated that he sought a decision by the Court holding that there had been a breach of Article 6 para. 1 (art. 6–1) of the Convention and ordering the respondent State to compensate him for the damage he had allegedly sustained on account of the length of the proceedings in issue (Lingens v. Austria, 1986).

Субъекты, не причастные к дискурсивному экспертному сообществу, порождают, следуя уже упомянутой выше концепции А. М. Каплуненко [Каплуненко, 2007], дискурс различий, который строится с опорой на индивидуальные переживания субъекта, субъективные образы и представления, характеризующие концепт. Речевое поведение таких субъектов основано на субъективных представлениях о праве и действии правовых предписаний. Вовлекая себя в правовое пространство, субъект-неюрист вынужден осуществлять интерпретацию тех правовых явлений, с которыми он сталкивается, однако, не будучи профессиональным юристом, не владея присущим юридическому сообществу категориальным аппаратом, он порождает интерпретацию, существенным образом отличающуюся от той, которая принята в данном сообществе.

В юридическом же сообществе, особенно в судебном корпусе, проблема допустимости различной интерпретации норм права ставит под вопрос саму возможность действия субъекта в соответствии с законом. Поскольку как правовые нормы, допускающие различную интерпретацию, так и судебные решения, различно толкующие нормы права, обесмысливают саму процедуру судопроизводства, все это существенно подрывает доверие к судебной власти. Именно поэтому, интерпретируя ту или иную норму закона, субъект-юрист действует в рамках, заданных ему дискурсивным сообществом, в которое он входит как представитель судебной власти, что тем самым способствует единообразному толкованию закона.

Если субъект-юрист в процессе интерпретации обращается только к фактам, пользуясь штампами и стандартными для юридического языка речевыми оборотами и терминами, субъект-неюрист – к событию в целом. Первый – с точки зрения профессионала, второй – человека, не чуждого эмоциональных переживаний. В результате они приходят к разной интерпретации правовой действительности.

Таким образом, интерпретация в рамках юридического дискурса может рассматриваться в двух ипостасях: как процедура профессионального осмысления действительности субъектом-юристом и как процедура понимания смысла сквозь призму личного опыта, чувственных переживаний субъектом-неюристом. Приведем примеры:

(8) Согласно пункту 3 части первой статьи 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» по жалобам граждан...

Следовательно... его жалоба, по смыслу пункта 2 статьи 97 закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», не является допустимой.

Исходя из изложенного и руководствуясь частью второй статьи 40... Конституционный Суд Российской Федерации определил... (Определение Конституционного суда РФ от 12.05.2005) ⁷.

Субъект-юрист обосновывает свои выводы по делу, обращаясь исключительно к фактам и нормам закона, используя аргументы, которым присущ рациональный характер, ограничивается четкими рассуждениями. Правила коммуникации в рамках юридического сообщества предъявляют к языку требования краткости изложения, определенности, стереотипности, единообразия.

Субъект-неюрист в обоснование своего тезиса приводит не только положения закона и объективные факты, но и опирается на интуитивные, чувственные, эмоциональные факторы, субъективные представления о праве и действии правовых предписаний. Пытаясь убедить суд в своей точке зрения, он использует целый ряд способов аргументирования, которые не слишком связаны с логикой, – моральных, социальных, политических, личных:

(9) Государство становится орудием олигархов и служит им, а не народу – обществу. Выборы стали... рынком, где хозяйничают олигархи. Эгоизм олигархов и служение им сознательное или по глупости тех, кого они нам навязывают избирать... лишают права на счастье (Жалоба Луценко Н. М. в Конституционный суд РФ) ⁸.

Приведенные высказывания субъекта-неюриста включают в качестве аргумента и напрямую цитату на определение термина, взятую не из закона, а из учебного издания⁹, что является неприемлемым, согласно негласным требованиям к содержанию судебного решения.

Итак, из вышеприведенных фрагментов мы видим, что в первом случае аргументация строится на правовых нормах и неоспоримых фактах, следуя правилам логики, а во втором случае мы имеем дело скорее со стремлением к эффективности дискурса, нежели к его логичности и истинности, – свойствами, конвенционально закрепленными за дискурсом субъекта-юриста. И если дискурс субъекта жалобы принадлежит эмоционально-моральной плоскости, дискурс суда относится к нормативной (судебное решение).

Очень ярко проявляются различия в построении дискурса на концептуальном уровне. Приведем пример:

(10) Поводом к обращению в Конституционный суд РФ является нарушение моих конституционных прав и прав граждан РФ, в связи с нарушением принципа Народовластия и нашего права на Народовластие... Однако эгоизм олигархов и служение им сознательное или по глупости тех, кого они нам навязывают избирать, путем нарушения принципа Народовластия лишают меня, граждан РФ и новые поколения права жить в демократическом государстве (Жалоба в Конституционный суд РФ, 2002) ¹⁰.

⁷ www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54261/

⁸ www.rg.ru/oficial/doc/min_and_vedom/ks/191.shtm

⁹ Энциклопедический словарь определяет, что при народовластии – демократии выборы должны совершаться на всех уровнях большинством голосов [Политология, 1993].

¹⁰ http://www.anticomproamat.org/churov/grishk_ks.html

В центре жалобы – концепт «народовластие», который в непрофессиональном сознании субъекта-неюриста возводится в абсолюте, что в частности проявляется в написании его с заглавной буквы. В жалобе отчетливо прослеживаются идеологические установки субъекта, что в принципе недопустимо для дискурса субъекта-юриста. Субъект жалобы неоднократно апеллирует к понятию «народ», что в его представлении ассоциируется с представителями группы неимущих и не имеющих доступа к власти (*государство становится орудием олигархов и служит им, а не народу*). Отсюда и его представление о народовластии, которое «вручает» права одной части нации, именуемой народом, и исключает из обладателей прав человека другую часть нации – эксплуататорский класс, класс олигархов.

Особенности построения аргументативного дискурса проявляются и на языковом уровне. Запрет ссылаться на личный опыт, диктуемый правилами дискурсивного сообщества, заставляет субъекта-юриста избегать использования в своем дискурсе личных местоимений в целях самопрезентации. Так, если в дискурсе субъекта-неюриста личные местоимения 1-го лица и притяжательные местоимения повторяются регулярно (*я вынужден с настоящей жалобой обратиться...; на нарушение моих конституционных прав*), в дискурсе суда они вообще отсутствуют. Репрезентация субъекта осуществляется с помощью ролевых маркеров субъекта (*Конституционный Суд определил...; суд постановил...*). Указанные языковые средства позволяют противопоставить дискурс субъекта-юриста и дискурс субъекта-неюриста по критерию «объективность – субъективность» и детерминировать степень самопрезентации включенностью субъекта в дискурсивное сообщество.

Таким образом, субъект-юрист и субъект-неюрист, находясь в одном правовом поле, с разных позиций подходят к интерпретации одних и тех же правовых явлений и к построению дискурса, что можно объяснить, на наш взгляд, различиями в типах мышления, типах картин мира – обыденной и профессиональной. Если первая формируется в процессе жизни индивида в рамках его языкового сообщества и опирается на индивидуальные переживания, субъективные образы и представления, то вторая вырабатывается при попадании субъекта в дискурсивное экспертное сообщество, участники которого владеют определенной системой юридических терминов.

Список литературы

Каплуненко А. М. Концепт – понятие – термин: Эволюция семиотических сущностей в контексте дискурсивной практики // Азиатско-Тихоокеанский регион: Диалог языков и культур: Материалы междунар. конф. Иркутск, 2007. С. 115–120.

Крапивкина О. А. Лингвистический статус субъекта в юридическом дискурсе (на материале английского и русского языков): Дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2011. 200 с.

Кузнецова Е. А. Материалы интернет-конференции Сибирской ассоциации лингвистов-экспертов. Кемерово, 2007. URL: <http://siberia-expert.com/publ/satti/stati/4-1-0-184>

Политология: Энцикл. слов. / Под ред. Ю. И. Аверьянова. М.: Моск. коммерческий ун-т, 1993. 431 с.

Bhatia V. K. Analysing Genre: Language Use in Professional Settings. London: Longman, 1993.

Swales J. M. Genre Analysis: English in Academic and Research Settings. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1990.

O. A. Krapivkina

Two edges of discourse – two guises of the subject

The paper deals with two central genres of judicial discourse – a complaint initiating the court procedures, and the judicial decision summing up the proceedings. The author of the paper argues that the legal discourse is a complex multidimensional formation with overlapping institutional and personalized forms of communication. The research is based on the concept of a discursive expert community, the participation/nonparticipation in which leaves its stamp on the character of discursive practices. The author calls in question the well-established view on legal discourse as a purely institutional formation. The paper affirms that the participation/nonparticipation in a legal discursive community influences the interpretation of the same legal phenomena due to different types of thinking and of world pictures (ordinary vs. professional).

Keywords: subject, discourse, discourse expert community, genre.

DOI 10.17223/18137083/54/16